

А. В. Мерзлякова

ВОЗЗРЕНИЯ Б. Н. ЧИЧЕРИНА НА РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация: Борис Николаевич Чичерин (1828—1904) оставил заметный след в истории российской исторической и политико-правовой мысли. Концепция развития российской государственности, предложенная учёным, не осталась без внимания в академической научной среде. Видные российские историки и юристы – В.О. Ключевский, С.М. Соловьёв, И.Д. Беляев, Н.М. Коркунов с разных точек зрения оценивали доктрину Б.Н. Чичерина. Многие суждения, высказанные представителями отечественной науки не утратили научной ценности до настоящего времени и широко используются современными историками интеллектуального наследия Б.Н. Чичерина.

Ключевые слова: История, Государство, Свобода, Либерализм, Школа (юридическая), Реформы, Реакция, Теория (органическая), Славянофилы, Западники

Интерес к исследованиям Б.Н. Чичерина в академической среде был обусловлен не только научной составляющей его работ, но и личными политическими взглядами многих учёных, которые примыкали к различным направлениям российского общественно-политического движения – славянофильскому, либеральному, социал-демократическому. Разумеется, данное обстоятельство не могло не сказаться на оценках творчества мыслителя.

Одними из наиболее активных критиков воззрений Б.Н. Чичерина являлись историки, придерживающиеся славянофильских воззрений. В 1856 г. после выхода в свет книги мыслителя «Областные учреждения России в XVII веке» на страницах журналов и газет «Русская Беседа», «Русский Вестник», «Молва» развернулась острая научная дискуссия, тон в которой задавали учёные – И.Д. Беляев, Н. Крылов, К.Д. Кавелин, С.М. Соловьёв.

Историк И.Д. Беляев опубликовал несколько критических статей, посвящённых книге Б.Н. Чичерина¹. Ключевая ошибка Б.Н. Чичерина, по мнению исто-

рика, заключалась в заимствованной от других историков идеи, «что будто бы на Руси до XV в. не было государства»². Именно на этом неверном оценочном постулате зиждилась чичеринская историческая концепция развития государственных отношений в России. Из неё же вытекало второе ошибочное суждение о том, что «князья будто бы не знали, считать ли частные земли своей вотчиной или нет»³. «Вот что значит, – писал историк, – принять ложную мысль за основание, она непременно поведёт к противоречиям, и заставит исказить события и памятники»⁴.

И.Д. Беляев проанализировал доводы Чичерина на основе сформулированных грамот и отметил несостоятельность утверждений о том, что на одной вотчине могло лежать два права собственности. «Двух прав собственности на одной земле в древней России никогда не лежало, и свидетельства, приведённые г. Чичериным о разных правах, предоставляемых от князей частным вотчинам и приобретаемым князем в чужой вотчине, нисколько не доказывают, чтобы на одной земле лежало два права собственности. Мнение об этих двух правах по-прежнему основывается на опро-

¹ Беляев И.Д. Обзор исторического развития сельской общины в России // Русская Беседа. 1856. № 1. С. 101 – 147; Он же. Ещё о сельской общине (ответ г. Чичерину Русский Вестник № 12) // Русская Беседа. 1856. № 2. С. 114 – 142; Он же. Спор о сельской общине С. Соловьёва // Русская Беседа. 1856. № 4. С. 115 – 123.

² Беляев И.Д. Ещё о сельской общине (ответ г. Чичерину Русский Вестник № 12). С. 135.

³ Там же.

⁴ Там же.

вергнутых уже предположениях, что будто на Руси до конца XV в. не было государства»⁵.

Историк указывал, что нельзя объяснять процессы развития и разрушения сельской общины в России только хозяйственными факторами без учёта психоментальной составляющей русского самосознания. «Причина, – писал историк, – почему община не распалась совершенно заключалась не в хозяйственной цели, которая (как её понимает Чичерин) скорее должна была разрушить общину ..., а лежала гораздо глубже, именно в самом духе народа, в складе Русского ума, который не любит и не понимает жизни вне общины»⁶.

Беляев особенно остро дискутировал с Чичериным по проблеме наличия государственного владения в русских землях. По сути, считал историк, это один из ключевых вопросов понимания российской истории в рассматриваемый период. Чичеринская концепция, приравнивавшая государственное владение к частному, являлась неверной, как и утверждение С.М. Соловьева о том, что Чичерин прав, уравнивая земли дворцовые и черные⁷.

Таким образом, Беляев И.Д. структурировал критику воззрений Чичерина на основе выделения ключевой, исходной идеи его учения – отрицания государства в России до XV в. доказательства того обстоятельства, что вся ошибочность суждений мыслителя вытекала из указанного тезиса. Однако в качестве контраргументов историк привёл не только собственное понимание документальных источников, но и славянофильскую идеологическую парадигму о «народном духе» как факторе сохранения общины.

Воззрения Б.Н. Чичерина, основанные на интерпретации юридических актов, изданных в России в средневековый период, не остались без оценки учёных-юристов. Значительное количество критических замечаний было выпущено профессором римского гражданского права Н. Крыловым. В статье «Юридические заметки профессора Н. Крылова», опубликованной в газете «Молва», он подверг резкой критике ряд выводов Чичерина, опубликованных в книге «Областные учреждения России в XVII веке»⁸.

Так, по мысли учёного-юриста, ошибочным является вывод Б.Н. Чичерина о том, что «римское право,

которое обрабатывали юристы и есть византийское – *Corpus juris*, изданный Византийским императором Юстинианом»⁹. Известный цивилист не скрывал своих симпатий славянофильским идеям и выступал за ориентацию на Византию при изучении правовой системы российского государства. «Мы русские, – писал Крылов, – для истории нашего права, должны изучать при предлагаемом знании латинского права, преимущественно Византийскую – номоканоническую его форму»¹⁰.

Крылов считал неправильными выводы мыслителя роли и значения княжеских духовных грамот. «Духовные грамоты Великих и удельных князей, – отмечал исследователь, – нельзя считать таким памятником, в котором бы можно было открывать искомое и спорное – Государственное начало в истории России»¹¹. Автор предлагал сугубо юридическое толкование завещаний как актов и считал ошибочным наделять их политическим смыслом. Гражданско-правовое значение данных документов заключалась в том, что человек, вне зависимости от своего социального и политического статуса «одинаково выражает свою последнюю волю об остающемся земном стяжании, так сказать с благотворительной целью, разделяя некогда дорогие, а теперь ему ненужные сокровища между ближними и дальними – на помин души своей»¹².

Следовательно, по мысли Крылова передача имущества наследнику не влечёт передачи последнему политической власти.

«Христианин в своих завещаниях, – писал автор, – уже не выражает самодержавного, античного типа, это смиренный грешник, отходящий к праведному Судии, пред которым все равны – цари земные и подданные. Следовательно, отыскивать в духовных грамотах и при том в старые времена Руси идею верховного государственной власти, редко переходящей в форму разсудного понятия, было бы напрасным, бесполезным трудом»¹³.

Крылов являлся приверженцем органического подхода к формированию российского государства и отстаивал идею народного духа, в котором заключалась его народная сила¹⁴. Он считал неверным подход

⁵ Там же. С. 141.

⁶ Беляев И.Д. Спор о сельской общине С. Соловьева. С. 117.

⁷ См.: там же. С. 118.

⁸ См.: Крылов Н. Юридические заметки профессора Крылова // Молва. Литературная газета. 1857. № 2. С. 25 – 28.

⁹ Там же. С. 25.

¹⁰ Там же. С. 26.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: там же. С. 27.

Чичерина, утверждавшего, что «московское государство было выдумкою московских удельных князей; формою юридической, в которой эта пресловутая игра ума выразилась, избрано завещание»¹⁵. Исторический пример, связанный с завещанием Петра I, не являлся фактом передачи государственной власти от наследодателя к наследнику, так как сам юридический акт являлся следствием семейной драмы и имеет «следственное значение»¹⁶. «До нас дошло множество завещаний, – указывал автор, – ... перечитывая их, я нигде не вижу даже слабого намёка на эту сторону человеческого самовластия»¹⁷.

Другим объектом критики Крылова являлся подход Чичерина к использованию юридических понятий. Он считал, что использование юридических категорий при исследовании исторических понятий должно быть точным, верным и ясным и исключал их произвольную интерпретацию. Крылов считал глубоко ошибочным взгляд Чичерина на совпадении частного и вотчинного права и утверждение о том, двое – трое князей «считались вотчинниками одного и того же земельного участка, а разрешалось дело практически; часть вотчинных прав принадлежала одному, а часть другому»¹⁸. Из этого положения вытекал неверный вывод об отсутствии различий между частным и вотчинным (государственным) правом¹⁹.

Ошибочное использование классических юридических понятий при анализе исторических явлений, наполнение их субъективным содержанием привело к ложному пониманию системы российских систем государственного и гражданского права, «вотчинной и государственной России»²⁰. Чичерин, отмечал Крылов, «с необыкновенным дерзновением осуждает всю Русь, почти до Петра Великого, на какое-то бывалое, и не мыслимое состояние частной кабалы»²¹.

Таким образом, с одной стороны ценность критики Крылова по историографии рассматриваемой проблемы заключалась в оценке правильности применения юридических определений в контексте концептуальных исторических положений, выдвинутых Чи-

чериным. С другой, обнаруживается монистический подход к анализу идей мыслителя. Как сам отмечал Крылов, «мой взгляд нельзя назвать вполне историческим, а только логическим; притом в логических законах я избираю именно один закон противоположения, а эти законом истина рассматривается с одной отрицательной стороны»²².

Критику положений монографии Чичерина Б.Н. «Областные учреждения России в XVII веке» автор продолжил со страниц журнала «Русская беседа» под псевдонимом И. Кр ... евъ²³.

Крылов считал, что первопричина неправильных выводов автора заключалась в субъективных доктринальных установках – «неверном произвольном основании», посредством которых оценивалась исторический процесс в России²⁴. «Он на все учреждения старой Руси, – писал автор, – смотрел с точки собственной теории, и от того все они представлялись в искажённом виде; он искал в них того, что в них нет, и не видел того, что в них заключается»²⁵.

В чём же заключалась первопричина неправильных выводов ?

По мнению Крылова, она заключалась в принадлежности Чичерина к западничеству и в стремлении найти аналогии между российским и западноевропейским опытом исторического развития. «Гражданский быт русского общества, – писал Крылов, – не был основан на частном праве, как того хочется г. Чичерину ... мы уже видели, как начала государственные, с самого приглашения Рюрика, постепенно развивались в устройстве общества. В выводах г. Чичерина, очевидно, везде проглядываются начала западно-европейской истории; он везде хочет видеть сходство Русской истории с Западною, которого на деле не было: у него даже города преимущественно были способны к образованию договором общим, потому что город один мог дать защиту общине против натиска

²² Крылов Н. Юридический ответ редакции Русского Вестника, на статью помещённую в первой книжке № 7 1857 г. за апрель под заглавием «Изобличительные письма» // Молва. Литературная газета. 1857. № 3. С.37.

²³ Кр ... евъ И. Областные учреждения в России в XVII в. Сочинение Б.Н. Чичерина // Русская беседа. 1856. ч. III. С. 46 – 87; Он же. Областные учреждения в России в XVII в. Сочинение Б.Н. Чичерина (окончание) // Русская беседа. 1856. ч. IV. С. 54 – 114.

²⁴ См.: Кр ... евъ И. Областные учреждения в России в XVII в. Сочинение Б.Н. Чичерина (окончание). С. 114.

²⁵ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 27.

¹⁹ См.: там же. С. 28.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

владельческих элементов; тогда как у нас никогда не было борьбы городов с владельческими элементами, и сёла всегда находились в тесной связи с городами и состояли под одною общей государственною властью. Разложение и борьба элементов явно взяты Чичериным из западноевропейской средневековой истории и к русской истории не относятся»²⁶.

Контраргументом Крылова против утверждений Чичерина являлся хрестоматийный славянофильский тезис о самобытности исторического пути Российского государства. «Русское общество, – писал автор, – возникло на почве, никогда не принадлежащей Риму; племена из которых сложилось русское общество, никогда не управлялись Римскими законами и учреждениями, все устройство Русского общества развивалось из своих начал»²⁷. Чичерин, по мысли Крылова, «в продолжении всего своего труда изо всех сил старался доказать, что все учреждения России не только в XVII веке, но и прежде, были неудовлетворительны, недостаточны, неудачны и несообразны с теорией, и вопрос жизни тогдашнего общества на Руси его вовсе не занимает»²⁸.

В противовес западной концепции Чичерина Крылов выдвинул собственный метод критического анализа труда мыслителя. Учёный-цивилист определил свой метод критического анализа исследования как историко-органический анализ основных юридических понятий «в приложении к истории русского права»²⁹. Крылов Н. придерживался органической теории происхождения государства, в соответствии с которой рассматривал монархическую форму правления как неотъемлемый атрибут российской государственности. «Народ есть живой организм, – писал Крылов, критикуя доводы исследователя об отсутствии государства в России до XV в., – живой организм, а не отвлечённое понятие; следовательно, должен иметь голову. Но у всякого живого существа, разумного и неразумного, голова имеет определённое и неизменяемое место и обращена кверху, к небесной атмосфере... Организм народный имеет особенное устройство и форму, место головы непостоянно; в одно время она находится в нижней части организма, в другое –

в средний, или высшей, а иногда она оказывается на боку; что касается формы этой головы, то она чрезвычайно разнообразна, подвижна, одним словом, состоит в непрерывном прогрессе... не здесь ли заключается настоящая причина... почему не видят головы царя... почти до XVII века»³⁰.

Таким образом, в критических рассуждениях Крылова, как и И.Д. Беляева чётко прослеживаются идеологические парадигмы славянофильства. Если Чичерин акцентировал внимание на сходстве исторических путей России и Запада, то Крылов придерживался тезиса о самобытности и исключительности исторического развития России. Однако критика воззрений мыслителя была основана не только на славянофильском понимании российской истории, но и на логических подходах при оценке юридических категорий, используемых Чичериным. Ценность исследования автора заключается в рассмотрении общеизвестных юридических категорий в историческом контексте русской истории.

Профессор М.И. Коялович, примыкавший по своим убеждениям к славянофильскому лагерю, также критиковал труд Б.Н. Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке». В монографии «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» негативную оценку получила теория централизации русских земель Чичерина, который давал отрицательную оценку состоянию государственных учреждений в допетровской Руси³¹. «Вообще г. Чичерин, – писал Коялович, – видит величайшую путаницу и негодность областных учреждений в допетровской Руси»³². Автор считал ошибочными взгляды Чичерина на исторический прогресс, который усматривался в «систематизации должностей и соединённых с ними обязанностей»³³. Из указанного понимания хода исторического процесса вытекали странные выводы Чичерина о том, что «губные старосты после самозванческих смут будто бы везде были на некоторое время заменены воеводами, или что земские старосты перестали участвовать в судебных делах при воеводах»³⁴. Коялович полностью согласился с

²⁶ Там же. С.113.

²⁷ *Кр ... евъ И.* Областные учреждения в России в XVII в. Сочинение Б.Н. Чичерина. С. 47.

²⁸ Там же. С.46.

²⁹ *Крылов Н.* Критические замечания на сочинение г. Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке // Русская Беседа. 1857. № 2. С. 165.

³⁰ Там же. С. 136.

³¹ *Коялович М.И.* Областные учреждения России в XVII веке. (перепечатано по четвертому изданию автора, изданному в 1901 году). Минск, 1971.

³² Там же. С. 432.

³³ Там же. С. 433.

³⁴ Там же.

оценкой воззрений Чичерина историком Беляевым и юристом Крыловым.

Так, по его мнению, профессор И.Д. Беляев со страниц журнала «Русская беседа» аргументировано, используя обширные источники, выступил с резкой критикой чичеринских положений о и доказал «неопровержимо, что дружинникам не раздавали земель до XI века, что вотчины не были вовсе похожи на ленные имения, что самое вотчинное право есть фикция западников, что передвижение населения не уничтожило общины и, особенно важные данные, что общины сохраняли силу и при наместниках и при воеводах и знали передел еще до закрепощения... что так называемые кормления наместников и поборы воевод и их служебных лиц не составляли чего-либо произвольного, о определялись и охранялись обычаем, и злоупотребления вызывали жалобы, которым не было бы места, если бы все было предоставлено на произвол, как частное дело»³⁵.

Резкая критика исследования Чичерина со стороны историков и юристов, примыкавших к славянофильскому лагерю, не осталась без внимания представителей историко-юридической школы – К.Д. Кавелина и С.М. Соловьева³⁶. В рецензии Кавелина на труд Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке» была изложена концепция Российской государственности Чичерина. У племён, образовавших русское государство господствовал родовой, кровный быт, и ему на смену пришло личное начало, которое вытеснило семейно – общинную организацию общества. Личное начало выражалось в господстве частного права и произвола во всех сферах русского быта. Третий период ознаменовался образованием Московского государства и подчинением личного права государственным интересам. Становление государства происходило постепенно. Первоначально, государство возложило исполнение часть целей на народ. В этом заключался источник общинного и выборного начала древней России. Однако в дальнейшем по мере укрепления государственного аппарата общинный элемент был вытеснен органами государственной власти в лице

³⁵ Там же. С. 434.

³⁶ См.: Кавелин К.Д. Областные учреждения России в XVII веке // Отечественные записки. 1865. № 12. С. 428 – 477; Соловьев С.М. Спор о сельской общине // Русский вестник. 1856. Т.6. С. 285 – 303; Он же. Несколько дополнительных слов к статье «Спор о сельской общине» // Русский вестник. Т.6. С. 192 – 196.

приказных людей и воевод. Государство создало условия, посредством наделения их определёнными обязанностями»³⁷.

«Под давлением служилого начала, – писал Кавелин, характеризуя концепцию Чичерина, – или системы повинностей, города выделились из сёл, и жители их образовали особое сословие. Но собственно общинное начало осталось неразвитым и бездеятельным. Оттого выборные и приказные власти сталкивались между собой, круг действий тех и других нисколько не был разграничен, и областное – правильное, местное управление представляло во всех отношениях совершенный хаос, пока преобразования Петра Великого не внесли некоторую систему и порядок в эту неурядицу»³⁸. Предмет исследования Чичерина, по мысли Кавелина, придаёт повышенную ценность его исследованию. «Управление, – указывал историк, – центральное и местное состоит в неразрывной связи со всеми сторонами внутренней жизни государства и народа: устав сословный, части духовная, военная, гражданская, финансовая, полицейская, судопроизводство, – словом, всё имеет отношение к управлению и находится под его влиянием»³⁹.

Однако рецензия Кавелина не является панегириком, восхваляющим труд Б.Н. Чичерина. Историк выражает несогласие с утверждением Б.Н. Чичерина о том, что главным субъектом Древней Руси была личность, стоящая вне союзов. Кавелин считал, что в данном случае термин был выбран неудачно, так как личность в рассматриваемый период не несла в себе созидательного потенциала. «Назвать же началом личности, – писал Кавелин, – факт обособления бездеятельного, пассивного лица, неопределяющего ничего, а, напротив, определяемого другою силою – едва ли было бы правильным»⁴⁰.

С.М. Соловьёв в статье «Спор о сельской общине» обратился к анализу спора между Беляевым и Чичериным, в котором принял позицию последнего. При этом историк отметил две основные ошибки Чичерина. По его мнению, неправильным являлась интерпретация происхождения отношения князя к общине из первоначального завоевания. Чичерин, по мысли историка, не принял во внимание «условия исторической мест-

³⁷ См. Кавелин К.Д. Областные учреждения России в XVII веке. С. 455.

³⁸ Там же. С. 455 – 456.

³⁹ Там же. С. 429.

⁴⁰ Там же. С. 478.

ности и народного быта, условия, которые совершенно изменяют следствия одного и того же явления»⁴¹. Кроме того, Чичерин высказал ошибочное суждение о переделах земель крестьянскими общинами⁴². Историк указал ещё на одно неверное чичеринское суждение. Тот считал, что русская община утратила патриархальные, родовые черты. «Нисколько не следует, – писал Соловьев, чтобы в продолжение своей исторической жизни русская сельская община истеряла все черты, которые могли бы напомнить нам о её первоначальном быте»⁴³.

Таким образом, Соловьев критиковал Чичерина за жёсткие рамки разработанной им доктрины, которая проявилась в некоторой узости суждений Чичерина, исключавших сосуществование различных черт общественного быта, в рамках общины как одной из форм общественной жизни. Одной из ключевых работ, определяющих место взглядов Б.Н. Чичерина в отечественной историографии, стала статья либерального историка П.Н. Милюкова «Юридическая школа в русской историографии. (Соловьёв, Кавелин, Чичерин, Сергеевич), которая была издана в 1886 году»⁴⁴. В ней автор указывает, что целью его работы является исследование «той общей формулы, в которой выразилось понимание русской истории у главнейших представителей юридической школы ... в этой формуле заключается и очень большая заслуга юридической школы в прошедшем нашей науки, и очень большой её недостаток в настоящем»⁴⁵. П.Н. Милюков усматривает причины появления юридической школы в своеобразном симбиозе немецкой философии, исторической школы и самостоятельных исторических исследований, сложившемся в российской исторической науке во второй половине 40-х гг. XIX в. Общим началом для всех исследований, отнесенных автором к этой школе, являлось не только стремление понять историю как процесс смены политико-юридических форм, но и единая схема, в рамках которой происходила указанная эволюция⁴⁶. По мысли П.Н. Милюкова, общей идеей, характерной для представителей

юридической школы являлась интерпретация «происхождения государственных и частно-правовых форм из патриархально-родовых отношений»⁴⁷. Историк сравнил схемы, предложенные представителями юридической школы, и таким образом, определил не только специфику их воззрений, но и общее интегрирующее начало, присущее трудам историков. Так, формула историка Соловьева о генезисе Российской государственности включала два компонента – «родовые отношения – государственные отношения»⁴⁸. Однако Кавелин, по мнению Милюкова, «приходил к еще более единому представлению о ходе русской истории; вместо схемы; княжеский род, разложение его при северных условиях и государство, у него получается схема: род и общее владение; семья и частное владение, личность и государство»⁴⁹. Историк сделал вывод о том, что Кавелин предложил более последовательную схему, имевшую философскую направленность, но в меньшей степени ориентированную на реальность⁵⁰. Соловьев и Кавелин, по мнению П.Н. Милюкова, были ближе к исторической школе, чем к немецкой философии⁵¹. «Восстановить связь с последней, – отмечал Милюков, – сообщить отысканной формуле русского исторического процесса философское выражение суждено было г. Чичерину»⁵². В статье «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей» Чичерин скорректировал схему Соловьева и Кавелина. Он считал, что роль родовое начало в ходе русской истории преувеличено, а духовные грамоты свидетельствовали о порядке отношений, основанных на личной воле и личном интересе⁵³. Этот период и порядок господствовавших в нём отношений Чичерин определил как «период господства частного права – гражданское общество»⁵⁴. Он считал, что господство договорных отношений между сторонами, исключает возможность существования государства, для которого неприемлемы договорные отношения между «властью и подданными»⁵⁵. П.Н. Милюков кри-

⁴¹ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 300.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 300 – 301.

⁴⁴ Милюков П.Н. Юридическая школа в русской историографии. (Соловьёв, Кавелин, Чичерин, Сергеевич). // Русская мысль. 1886. № 6. С. 80 – 92.

⁴⁵ Там же. С. 80.

⁴⁶ См. там же. С. 83.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 90.

⁴⁹ Там же. С.85.

⁵⁰ См. там же.

⁵¹ См. там же.

⁵² Там же.

⁵³ См. там же. С. 87.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

тически отнёсся к категориям, предложенным Чичериным, считая их искусственными. «И так, положение г. Чичерина, – отмечал историк, – может иметь только один смысл, что старая Русь не имела никакого понятия о государстве»⁵⁶. Ошибочность суждений Чичерина заключалась в метафизическом подходе понимания сущности государства, и, как следствие, отрицании разнообразных исторических форм государственного устройства⁵⁷. «Но то наше понятие о государстве, – писал П.Н. Миллюков, – может быть довольно разнообразно: конституционное государство не то, что социалистическое, правовое государство, не то, что полицейское, нравственное же и разумное государство Гегеля, которое имеет ввиду г. Чичерин, вообще не есть какое-либо реальное государство, а некоторая метафизическая идея»⁵⁸.

Таким образом, схема, предложенная Чичериным, по мнению Миллюкова, выглядела следующим образом: «остатки рода – гражданское общество и личное начало – господство государственного начала»⁵⁹.

Наиболее скудной и бедной по содержанию, по мнению П.Н. Миллюкова является схема, предложенная Сергеевичем, который пошел по пути исключения из формулы юридической школы всех неюридических категорий и представил ход русской истории в виде формулы «господство личности – господство государства»⁶⁰.

К числу заслуг Б.Н. Чичерина, как представителя юридической школы, П.Н. Миллюков отнёс придание схемам Соловьева и Кавелина более логического и философского характера⁶¹. Историк отметил, что Чичерину удалось придать формуле Соловьева и Кавелина «недостающее логическое единство: его *fundamentum divisionis* (фундаментальным дивизом – авт.) есть развитие одного юридического начала – государственности. В проявлениях личной воли князя и в правительственной организации г. Чичерину действительно удаётся подметить несколько существенных моментов в истории нашего государственного начала»⁶².

И, наконец, только в трудах Соловьева и Чичерина, как представителей юридической школы, по мысли

П.Н. Миллюкова, имела место обработка «сырого материала», то есть изучение исторических источников.

Следует отметить, что П.Н. Миллюков отметил не только достоинства и недостатки воззрений каждого из представителей юридической школы, но и охарактеризовал положительные и отрицательные стороны юридической школы как направления в российской историографии. Так, к числу основных достоинств этой школы историк отнёс то обстоятельство, что она «дала первое динамическое представление о нашей истории, сколько-нибудь гармонизировавшее с этой идеей закономерности»⁶³. Однако, следование гегельянской философии оценки исторического процесса, привело к изучению исключительно государственного начала в русской истории, без глубокого анализа других сфер общественной жизни. «Государственная власть, – отмечал П.Н. Миллюков, – есть одно из проявлений общественной организации, а общественная организация сама зависит от элементов, из которых складывается общество. В нашей схеме мы видим юридическую форму, для объяснения которой необходимо исследование наполняющего её социального материала»⁶⁴.

Дореволюционные исследователи обращались к изучению доктрины государства Б.Н. Чичерина, которую он последовательно проводил в своих сочинениях и лекциях. Историческая концепция учёного рассматривается в различных ракурсах. Одни – критически анализируют воззрения Б.Н. Чичерина, упрекая последнего в отсутствии динамичного развития, выдвинутой им концепции и чрезмерной приверженности, сформулированным им постулатам. Другие – обращаются к анализу содержания исторической концепции учёного и определяют её место, и значение в широком спектре общественно-политической мысли России конца XIX – начала XX вв. Так, К.Н. Бестужев – Рюмин в статье «Историческое и политическое доктринёрство в его практическом положении» отмечает приверженность Б.Н. Чичерина исключительной одной теории и нежелание считаться с другими научными доктринами и концепциями⁶⁵. Историк подверг критике программу курса государственного права и вступительную лекцию Б.Н. Чичерина, в которых критика важнейших теорий государ-

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ См. там же.

⁵⁸ Там же. С. 87.

⁵⁹ Там же. С. 90.

⁶⁰ См. там же. С. 88, 90.

⁶¹ Там же. С. 88.

⁶² Там же. С. 90.

⁶³ Там же. С. 91.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Бестужев – Рюмин К.Н. Историческое и политическое доктринёрство в его практическом положении // Отечественные записки. СПб., Ноябрь 1861. Т. СXXXIX. С. 1-10.

ственного права сопровождалась апологией «высшей теории», сформулированной самим учёным⁶⁶. «Какой же теории приносит в жертву г. Чичерин всё многостороннее богатство умственного развития?, – задаёт вопрос Бестужев-Рюмин, – какой алкоран принёс он на кафедру московского университета?». По мысли Бестужева-Рюмина, такой теорией являлась доктрина «государственной централизации», сформулированная Чичериным в «Областных учреждениях»⁶⁷. Историк подверг критике содержание понятий государство, предложенного Чичериным, в соответствии с которым оно трактовалось как «живое единство народа; граждане – единые члены единого целого, единого духовного и свободного (в теоретическом смысле, прибавим от себя) организма, который связывает между собою не только существующих в данное время людей, но и давнопрошедшие поколения с настоящим и будущим»⁶⁸. Не обходит историк вниманием и другое, по сути, аналогичное определение, предложенное Б.Н. Чичериным: «Государство есть сам народ, как единое целое, как живой организм, как нравственное лицо, как исторический деятель»⁶⁹. По мысли Бестужева-Рюмина, данное определение не соответствует реальным историческим фактам. «Действительно, – отмечал исследователь, – если народ есть государство, а государство есть народ, то все явления народной жизни должны были бы объясняться тем основным началом, на котором построено государство. Не раз, и в теории, и на практике, государство хотело быть всем, и что же выходило в результате?»⁷⁰. Историк выступил с критикой предложенного Б.Н. Чичериным подхода, в соответствии с которым государственное начало отождествлялось с началом общественным и привёл многочисленные примеры из истории восточных деспотий и западноевропейских монархий, которые потерпели крах, и сошли с исторической авансцены⁷¹. Таким образом, одним из существенных недостатков теории государства Б.Н. Чичерина является слабая верифицируемость теоретических положений автора примерами из исторической практики. Другая слабая сторона учения Б.Н. Чичерина заключается в его дог-

матизме, который выражается в том, что созданная учёным теория является априори и стремится объяснить все явления в мире. Поэтому, одной из черт политического учения Чичерина является доктринерство. «Доктринёрство, – писал Бестужев – Рюмин, – бывает разных цветов: всякое учение, для которого нет загадок, нет сомнений, для которого всё ясно и всё легко, ибо всё объясняется из одного наперёд – созданного начала, есть уже доктринёрство»⁷².

Историк продолжил критиковать представителей юридической школы, в том числе Чичерина, со страниц одного из главных своих произведений – «Русская история»⁷³. В частности, он указал, что основой учения Чичерина являлась ошибочная концепция преобладания частного, личного начала в период княжеской Руси⁷⁴. Историк подчёркивал, что Чичерин абсолютизировал роль договорных отношений в удельный период русской истории, считая многие её положения спорными и достоверно не установленными. «Нет сомнения, – писал Бестужев – Рюмин, – в том, что договоры существовали в древней России, но вопрос в том, когда и где они появились»⁷⁵. По мнению историка, появление договоров обуславливалось процессом деления князей на сильных и слабых, характером их взаимоотношений между собой, а также необходимостью установления политической иерархии. «Тогда со стороны более сильных князей, – писал историк, – является стремление упрочить свой перевес договором, со стороны слабых – оградить себя договором от дальнейших покушений»⁷⁶. С помощью договора отец устанавливал чёткие отношения с детьми и определял точные границы волостей, переданных сыновьям⁷⁷.

Историк также отвергал предложенную Б.Н. Чичериным, К.Д. Кавелиным и отчасти С.М. Соловьёвым концепцию господства вотчинного начала (частного права) в общественной жизни русских земель. «В своей соблазнительной простоте, – отмечал автор, – картина эта не соответствует действительности: конечно нет сомнения в том, что государственные понятие ещё не достаточно определились в ту эпоху и не получили

⁶⁶ См. там же. С. 2 – 3.

⁶⁷ См. там же. С.4.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С.5.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ См. там же.

⁷² Там же. С.10.

⁷³ См.: *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. Т.1. Спб., 1872.

⁷⁴ См.: там же. С. 161.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 436.

⁷⁷ См.: там же.

вполне раздельного существования, что многое определялось сделкою, имеющей частно-правовой характер – что этими сделками (договорами) создавалась мало по малу «пошлина», из которого вырабатывались государственные понятия»⁷⁸.

Одним из заметных критиков исторической концепции государства, предложенной Чичериным, был Н.М. Коркунов⁷⁹. По мысли учёного–государствоведа, главная методологическая ошибка Чичерина при рассмотрении проблемы государства заключалась в неправильном переосмыслении диалектической формулы Гегеля. Немецкий философ предложил три определения: тезис, антитезис, синтез. Чичерин выделил четыре определения: первоначальное единство, отвлеченно общее, отвлеченно частное, и конечное высшее единство⁸⁰.

«Различение в каждом общежитии четырех основных элементов: власти, свободы, закона, цели, – писал автор, – не представляет лишь частной поправки к системе Гегеля. Это совершенно новое к нему дополнение, совершенно меняющее общий дух учения Гегеля»⁸¹.

«Замена трех определений Гегеля 4-мя имеет очень важное значение, – отмечал Коркунов, – большее, чем это может показаться с первого взгляда. Формула Гегеля содержит в себе, несомненно момент поступательного развития, эволюции. Единство тут дается только последним, третьим определением; Следовательно, единство тут приходит, как нечто новое, дается, как результат поступательного движения вперед. Поэтому вся государственная система имеет эволюционистический характер. У Чичерина благодаря его четырем определениям, этот эволюционистический момент совершенно устраняется. И у него все сводится к диалектическому движению, но движение это у него не поступательное, а вращательное циклическое. С его формулой нельзя уйти вперед, а топчешься на одном месте»⁸².

Чичерин, как и Гегель, полагает, что «государство господствует над всеми остальными союзами» государство есть «верховный державный, владычествующий союз»⁸³. Небезупречной в философском плане представляется Коркунову иерархия четырех союзов, пред-

ложенная Чичериным. Низшую ступень составлял союз естественный – семейство, который сосредотачивает в себе все человеческие цели и охватывает человеческую жизнь. Среднюю ступень занимали два противоположных союза – церковь и гражданское общество. Первый стремился охватить весь мир, другой – к дроблению на мелкие компоненты. Высшую ступень составляло государство, представляющее собой единый союз, призванный объединить всю человеческую жизнь и заключающий в себе все человеческие цели⁸⁴.

Причину несовершенства предложенной иерархии Коркунов опять – так и усматривал в изменении логической схемы Гегеля и в трактовке Чичериным соотношения четырех элементов. Последний полагал, что, несмотря на то, что свобода и закон являются противоположными элементами (личным и общим) общественной жизни, они приводятся к единому началу общественную властью и общей целью⁸⁵.

Элемент свободы в интерпретации Чичерина превращается в один лишь частный момент диалектического развития общежития, который подчиняется началам власти и общей цели⁸⁶. А поскольку государство в концепции Чичерина «представляет собою преимущественно начало власти», то фактически свобода подчиняется государству⁸⁷. «Подчинение свободы началу власти, – отмечал Коркунов, – вытекает не только из общего соотношения основных элементов общежития, но и из того, что Чичерин в частности говорит о свободе в государстве. Свободу он различает личную и политическую. Политическая свобода служит единственной действительной гарантией свободы личной. Но политические права могут и должны принадлежать не всякому, а только способным. Судьей же политической способности граждан признается только «установленная государственная власть»⁸⁸. Чичерин считал, что личные права находятся в зависимости от государственной власти и лицо должно подчиняться власти как высшему порядку⁸⁹.

Таким образом, Коркунов в критике концепции государства, предложенной Чичериным, сделал акцент на философско-методологическое обоснование послед-

⁷⁸ Там же. С. 435.

⁷⁹ См.: Коркунов Н.М. История философии права: пособие к лекциям. СПб., 1898.

⁸⁰ См.: там же. С. 403.

⁸¹ Там же. С. 407.

⁸² Там же.

⁸³ См. там же. С.405.

⁸⁴ См. там же. С. 405.

⁸⁵ См. там же.

⁸⁶ См.: там же. С. 407.

⁸⁷ См. там же. С. 405.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ См. там же.

ним концепции государства и его месте в общественной жизни. Государство выступает не как диалектическая, а как метафизическая субстанция, которая подчиняет себе свободу, личные и политические права индивидов.

Акцент на критике философско-методологического подхода Б.Н. Чичерина, используемого при анализе явлений общественных явлений, сделал историк Н.И. Кареев⁹⁰ в статье «Нечто об историческом методе г. Чичерина». В ней автор подверг анализу книгу Чичерина «Наука и религия». Как и Коркунов, автор скептически отнёсся к позиции Чичерина, который в каждом явлении исторического процесса – выделял четыре составляющие. «По теории г. Чичерина, – указывал Кареев, – первоначальное единство, две половины, происшедшие от его распада, и единство окончательное дают четыре формы, совокупность коих составляет развитие. Отсюда, четыре группы древнейших философских религий мира, которые сменяют четыре же формы религий первобытных. Каждая из четырёх групп сама тоже делится четыре, и этим и просто и ясно объясняются весь секрет сменяемости религий»⁹¹. Кареев отмечал, что число «четыре» исследователь усматривал не только в религиях, но и в этнических, демографических процессах. Так, распущенность нравов у американцев объяснялась введением женского божества, которое являлось четвёртым элементом. Историческое движение в Европе объяснялось тем, что арийцы почитали индивидуальные божества, являвшиеся четвёртым элементом группы. В свою очередь, у арийцев также выделялось четыре народа – германцы, славяне, кельты и скандинавы⁹². «Это одна длинная история, – писал историк, – в которой нации поставлены одна к другой в такие отношения, в каких они не находились на самом деле и эта правильность четвертования языческих религий наводит на некоторые подозрения: не даёт ли нам автор, вместо истории чисто субъективные измышления?». Опасность чичеринского метода автор усматривал в том, «история учреждений должна быть подвергнута четвертованию, и что изучение их развития должно происходить по методу автора»⁹³.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась активным поиском новых методов исследования исторических

фактов. Различные приёмы исследования общественных процессов и оценки исторических событий стали основаниями отнесения учёных к различным школам и направлениям. Критика воззрений Чичерина, в том числе на государство и его роль в истории России осуществлялась через призму идеологических парадигм и философско-методологических подходов тех школ, к которым относились авторы. Так, историк А.П. Шапов, характеризуя состояние исторической науки, отмечал, что «немало было выдуманно у нас разных теорий, и все они большей частью одна другую поглощают или уничтожают»⁹⁴. Основным содержанием историко-юридической школы, по мнению Шапова, явилось изображение развития «с разных точек зрения идеи постепенного государственного развития и благоустройства русского общества»⁹⁵. Ключевым постулатом историков, относящихся к указанному направлению, стала интерпретация обусловленности положения русского народа от состояния государственных учреждений, политических и административных реформ и деятельности правительства⁹⁶.

«Чичерин, – писал Шапов, – появился в этой категории писателей типом ультра-государственного фанатизма, рьяным проповедником строгой систематической государственной унии и централизации, или централизационно – бюрократического государственного пантеизма»⁹⁷. Автор отмечал, что доктрина государства Чичерина носила метафизическо-юридический характер, а исходной парадигмой учения являлось отождествление понятий государство и народ. Идентичность двух понятий была выражена историком в формуле «государство в народе, народ в государстве»⁹⁸. Исследователь указывал, что Чичерин стоит особняком в ряду представителей историко-юридической школы, так как другие её представители акцентировали внимание не на абстрактной идее государства, а на земских представительных учреждениях и местном самоуправлении, децентрализации, областных и сельских общинах⁹⁹. Шапов применил принципиально новый – социально-антропологиче-

⁹⁰ Кареев Н.И. Нечто об историческом методе г. Чичерина // Критическое обозрение. № 22. С. 23 – 26.

⁹¹ Там же. С. 26.

⁹² См. там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Шапов А.П. Естествознание и народная экономия // Сочинения. Т. II. 1906. С. 154 – 181.

⁹⁵ Там же. С. 157.

⁹⁶ См. там же.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ См. там же. С. 158.

ский подход – к критическому анализу доктрины государства Чичерина. Принципиальным моментом социально-антропологической доктрины Щапова являлась оценка историко-юридической школы и воззрений, относящегося к ней Б.Н. Чичерина, с прагматических позиций. По мысли автора, любые юридические теории без приложения строго реалистичной и экономической теорий несостоятельны «не имеют основы и почвы для своего осуществления и не могут вести общество прямо к главной его цели – экономическому и умственному развитию и совершенствованию»¹⁰⁰. Историк отметил, что указанная задача может быть решена «только в области естествознания и естественно-испытующего разума, по мере того, как будут уясняться силы и законы человеческой природы и силы и законы природы внешней, только по мере того, как будет исследована и физиология отдельного человека и физиология социальная, только тогда возможно будет развитие истинного рационального или естественно-научного права»¹⁰¹.

Несмотря на то, что в научной среде преобладали критические оценки государственной доктрины Б.Н. Чичерина, нельзя не отметить и взгляды последователей учения мыслителя. Их не следует отнести к апологии, так как, наряду с доминирующими позитивными оценками государственной доктрины учёного, они содержат ряд критических замечаний.

Так, ряд принципиальных выводов мыслителя был позитивно оценён историком Н.П. Павловым-Сильванским и использован в разработанной теории русского феодализма. Доктрина историка изложена в монографии «Феодализм в удельной Руси», переизданной в 1988 году под названием «Феодализм в России»¹⁰². Историк считает правильной позицию Чичерина о наличии в древней Руси кровного союза и тождественности начал быта России и Запада¹⁰³. Однако в дальнейшем, в исследовании 50-60-х гг. XIX в. этот важный вывод мыслителя был забыт. «Отрицание какого – бы то ни было сходства между русской древностью и западом, – указывал историк, – стало у нас господствующей предвзятой мыслью, как бы признаком хорошего тона»¹⁰⁴.

Историк поддерживал подход Чичерина к определению сущности феодализма, который характеризовался господством частного или гражданского права¹⁰⁵. Это фундаментальное свойство в средневековый период было присуще не только русским землям, но и западноевропейским странам. Чичерин провел сравнительный анализ развития феодальных отношений в России и на Западе и выдел такие общие черты, как положение служебных князей, иерархическую лестницу землевладельцев. Также были отмечены различия в характере договорных отношений. Так, на Западе они носили потомственный, союзнический дух, а в России временный характер, так как отдельная личность была обособлена в частной сфере¹⁰⁶.

Однако, задавшись целью выявить сходства в протекании исторического процесса в России и на Западе, Чичерин при осуществлении сравнительного анализа пришёл к прямо противоположным выводам, обнаружив больше отличий, чем сходств. «Получилось, – писал историк, – не тождество, а глубокое различие основ начал быта как союзность и индивидуальность, прочность и шаткость договорных отношений»¹⁰⁷. Причину такого парадоксального вывода мыслителя Павлов – Сильванский усматривал в недостаточности источников по рассматриваемому периоду и ошибочные воззрения западных историков, которые были пересмотрены в дальнейшем¹⁰⁸.

Н.П. Павлов-Сильванский считал верным вывод Чичерина о характере службы бояр и служилых людей. Служба боярская, уходящая корнями во времена вольных дружин древнейшего киевского периода, носила временный характер в отличие от постоянной службы служилых людей, основанной на вассальном договоре¹⁰⁹. Неоднозначным было отношение историка к взглядам Чичерина на проблему передела земель внутри общин. Историк согласился с Чичериным, что в древнейшие периоды русской истории переделов земель в общинах русских земель не было, так как не было соответствующих условий и потребностей. «Крестьяне, – писал историк, – распоряжались своими участками, как собственностью, продавали их, дарили, и т.д. Общинно – переделное землевладение несо-

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910; Он же. Феодализм в России. М., 1988.

¹⁰³ См.: Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. С. 11 – 12.

¹⁰⁴ Там же. С.23.

¹⁰⁵ См. там же. С. 70.

¹⁰⁶ См. там же. С. 480.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ См.: там же. С. 40.

¹⁰⁹ См.: там же. С. 433.

вместимо с этой свободой распоряжения крестьян своими участками»¹¹⁰. Однако историк возражает против абсолютизации теории «вотчинного права» и применения его положений к переделам общинных земель, происходивших в XVI – XVIII вв. «Из этого, однако, – писал Павлов – Сильванский, – никак нельзя делать выводы, что наделы этой эпохи были прямым последствием вотчинного права. Это «вотчинное право» в отношениях к крестьянам нередко было близко к праву государственному»¹¹¹.

Павлов-Сильванский оспаривал оценки Чичерина роли земских соборов в истории России. Историк отмечал, что сравнительный подход мыслителя, который был использован при исследовании представительных органов власти, привёл Чичерина к выводу о «несравненно меньшем значении, которое имели Земские Соборы в России по сравнению с соборами на Западе»¹¹². Кроме того, Чичерин рассматривал Земские Соборы, как искусственно созданные правительством учреждения не похожие на представительные органы власти западноевропейских государств¹¹³. Павлов-Сильванский считал, что Земские Соборы являлись сословно-представительными органами власти. Их возникновение было обусловлено потребностью государства согласовывать интересы различных сословий. «Наше Московское государство, – отмечал Павлов-Сильванский, – с земскими соборами было таким же сословным государством как западные сословные государства с их генеральными штатами, ландтагами, кортесами»¹¹⁴. Историк отметил, что в трудах других исследователей проблемы земских соборов, в частности С.Ф. Платонова, показано их историческое значение для развития России в XVI-XVII вв.¹¹⁵

Таким образом, Павлов-Сильванский в целом положительно относится к концепции развития феодальных отношений, предложенной Чичериным, но расходится по ряду позиций в деталях. Он смягчает формулу средневековых отношений, предложенную мыслителем, и допускает сосуществование двух начал – вотчинного и публично-правового в процессе формирования государственности в России.

Проблема оценки представительных учреждений в трудах Б.Н. Чичерина была поднята выдающимся русским историком, одним из основоположников историко-экономической школы В.О. Ключевским в статье «Состав представительства на земских соборах древней Руси», изданной в 1890 г.¹¹⁶. Историк отметил, что в историографии земских соборов сложилось два направления. Сторонники первого рассматривали данные политические учреждения как вспомогательные, служащие орудием в руках администрации, а другие придавали им важное значение, рассматривая как оппозиционную структуру¹¹⁷. Общим недостатком рассмотренных точек зрения являлось то, что «оба эти взгляда неудобны тем, что трудно решить, который из них верен и который-нибудь из них»¹¹⁸. Ключевский отмечал, что Чичерин относится к первому лагерю исследователей.

Историк критически оценил чичеринский подход к анализу проблемы, основанный на проведении аналогий между представительными учреждениями России и Западной Европы, так как он привёл исключительно негативной оценке рассматриваемых политических учреждений и констатации «чрезмерной слабости представительного начала в русском государстве»¹¹⁹. «В самом деле, – отмечал Ключевский, – полная характеристика явления не может состоять из одних отрицаний; не отвергая последних, насколько они доказаны, надобно поискать другой точки зрения, с которой были бы видны положительные свойства рассматриваемого предмета»¹²⁰. По мысли историка, таким принципиально новым методом предмета исследования мог бы стать анализ связи «соборного представительства с устройством древне-русских земских миров и общественных классов»¹²¹. Недостаток компаративистского метода историк усматривал также в том, что как только исследователи, изучающее какое-либо крупное явление отечественной истории, приходили к выводу, что в нем отсутствуют аналогичные черты западноевропейского явления, то интерес к дальнейшему изучению российской проблемы угасал¹²².

¹¹⁰ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в удельной Руси. С. 106.

¹¹¹ Там же. С. 130.

¹¹² Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. С. 138.

¹¹³ См.: там же. С. 140.

¹¹⁴ Там же. С. 141 -142.

¹¹⁵ См.: там же. С. 138.

¹¹⁶ Ключевский В.О. Состав представительства на земских соборах древней Руси (Посвящается Б.Н. Чичерину) // Русская мысль. Книга 1. 1890, С. 141 – 178.

¹¹⁷ См.: там же. С. 142.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же. С. 146.

¹²⁰ Там же. С. 146.

¹²¹ Там же. С. 149.

¹²² См. там же. С. 144.

Исследователь отметил значительный вклад учёного в исследование представительных учреждений в России. «Учёному, – писал Ключевский, – которому посвящается настоящая статья, принадлежит едва ли не первое по времени, цельное и превосходное изображение устройства, деятельности и значения земских соборов... После этого образцового опыта ряд других исследователей продолжали изучение земских соборов, оспаривали, поправляли или подтверждали взгляд на них, высказанный Чичериным, пересматривая те же самые акты»¹²³.

И.В. Михайловский в статье «Воззрения Б.Н. Чичерина на право и государство» отмечал, что «воззрения Чичерина, как известно, не пользуются всеобщим признанием. Учёные самых противоположных лагерей могут найти в этих воззрениях некоторые положения неправильные с их точки зрения».¹²⁴ Автор указывал, что мыслителя не без оснований относят как к консервативному лагерю, так и к числу приверженцев буржуазных идеалов¹²⁵.

Если критики государственной концепции Б.Н. Чичерина указывали на апологетизацию роли государства в истории России и метафизическо-юридический характер предложенной доктрины, то Михайловский считал главным достоинством учения о государстве Чичерина идею личности, которая являлась «исходным пунктом всего учения о праве и государстве. Личность есть движущая сила истории культуры и краеугольный камень всего общественного здания. Человек составляет цель, для которого существует общественный организм»¹²⁶.

И.В. Михайловский указывал, что у Чичерина понятия государство и общество понятия взаимозависимые, но не тождественные. Они могут оказывать влияние друг на друга, в том числе и позитивное. И доказательством такового, являются реформы Александра II¹²⁷. К числу других достоинств государственной концепции Чичерина автор отнёс гармоническое сочетание четырёх элементов государственной жизни, предложенной мыслителем: власть, закон, свободу и общую цель, позволяющих в совокупности достичь общее благо¹²⁸.

¹²³ Там же. С. 141.

¹²⁴ Михайловский И.В. Воззрения Б.Н. Чичерина на право и государство // Образование. 1907. № 7. отд. 2. С. 24 – 38. С. 24.

¹²⁵ См. там же. С. 25.

¹²⁶ Там же. С. 26.

¹²⁷ См. там же. С. 33.

¹²⁸ См. там же.

ВЫВОДЫ:

Историческая концепция государства, выдвинутая Б.Н. Чичерина, вызвала неоднозначную реакцию в академических научных кругах – от поддержки в лице представителей историко-юридической (государственной) школы (Соловьев, Кавелин) в лице до резкой критики учёных, придерживающихся славянофильских взглядов (Беляев, Крылов, Бестужев-Рюмин). На объективность суждений, высказанных в ряде научных исследованиях, оказали влияние идейно-духовные парадигмы тех направлений общественно-политического движения, к которым принадлежали учёные.

К числу достоинств историографических исследований, предложенных учеными, относившихся и симпатизировавшим славянофильской идеологии, следует отнести методологические подходы, в соответствии с которыми выделялись основные концепты чичеринской доктрины государства, построенной на отрицании наличия государства в России до XV в.; идеи господства частноправовых отношений в удельный период; признании тождественности вотчинной и частной системы права. Бестужевым-Рюминым был отмечен догматизм воззрений Чичерина, который выражался в том, что учёный стремился интерпретировать все исторические факты в рамках выдвинутой им доктрины развития государственности в России, что препятствовало объективности высказанных суждений. Интересным представлялся также метод изучения доктринальных установок Чичерина, предложенный Крыловым, основанный на исследовании юридических категорий в контексте исторического развития российской государственности. Отождествление Чичериным понятий народ и государство, по мысли Бестужева – Рюмина, не подтверждается примерами из исторической практики и ведёт к недооценке иных факторов общественного развития. Однако некоторые аргументы критики чичеринских воззрений, предложенные учёными-славянофилами, не лишены беспристрастности и одиозности. К таковым следует отнести органическую теорию происхождения российского государства и монархии, предложенную Крыловым; постулат о «народном духе» как факторе сохранения общины.

Таким образом, Беляев И.Д. структурировал критику воззрений Чичерина на основе выделения ключевой, исходной идеи его учения – отрицания государства в России до XV в. доказательства того обстоятельства, что вся ошибочность суждений мыслителя вытекала из указанного тезиса. Однако в качестве контраргументов историк привёл не только собствен-

ное понимание документальных источников, но и славянофильскую идеологическую парадигму о «народном духе» как факторе сохранения общины.

Важно также отметить и критику философско-методологического подхода к сущности государства, предложенную Б.Н. Чичериным. Так, видным ученым в сфере государственного права Коркуновым и историком Кареевым в качестве метода учёного выделять в каждом явлении исторического процесса – выделял четыре составляющие. Это касалось как определения сущности государства (Коркунов), так и исследования сложных религиозных и этнических процессов (Кареев). В труде Коркунова критическому анализу был подвергнут философско-методологический подход Чичерина к определению сущности государства. Переосмысление формулы Гегеля и провозглашение государства, единым союзом призванным объединить всю человеческую жизнь и заключающим в себе все человеческие цели привело к суждениям о подчиненности свободы и личных прав началу власти, которое воплощает в себе государство. Недостатком этого подхода является слабая верифицируемость выдвигаемых теоретических доктрин историческими фактами.

Историк либерального направления Милюков обосновал принадлежность Чичерина к юридической школе отечественной исторической науки. Историк подверг критике метафизический подход Чичерина к определению сущности государства, которое рассматривалось Чичериным как трансцендентная субстанция и главное условие существования русского народа и российского общества.

Примечательно, что аналогичное критическое замечание высказывал Бестужев-Рюмин, симпатизировавший славянофильскому лагерю. Совпадение взглядов разных историков свидетельствует об объективности освещения взглядов Б.Н. Чичерина на государство. Историк Милюков стал одним из первых отечественных исследователей, заложившим основы изучения концепции Чичерина в рамках юридической школы. Историк применил сравнительный метод исследования, сопоставив взгляды Чичерина с воззрениями Соловьёва, Кавелина и Сергеевича.

Историки, относящиеся к историко-юридическому лагерю исследователей (Кавелин, Соловьев) в целом, соглашаясь с исторической концепцией российской государственности, выдвинутой Чиче-

риным, обратили внимание на ряд её недостатков. Кавелин считал, что использование понятия «личность» для обозначения главного субъекта Древней Руси была ошибкой. Соловьев обратил внимание на то обстоятельство, что Чичерин недооценивает влияния определённых факторов общественной жизни на формирование политических институтов власти и социальной организации общества.

Позитивных оценок концепции российской государственности, выдвинутой Б.Н. Чичериным, придерживались историки Ключевский и Павлов-Сильванский. Ключевский отмечал, что труды Чичерина стали одними из первых в сфере изучения представительных учреждений в России. Однако позиция автора характеризовалась недооценкой роли Земских Соборов в политической истории России. По мнению Ключевского, причиной ошибочных выводов автора являлся компаративистский метод исследования, на основе которого историк провёл сравнительный анализ представительных учреждений в России и на Западе и сделал вывод о низком уровне развития сословно-представительных институтов власти на русской почве по сравнению с западноевропейской.

Павлов-Сильванский предложил придать исторической схеме развития феодальных отношений и государственности, предложенной Чичериным, более гармоничный характер, допускавшей сосуществование двух взаимоисключающих начал общественной жизни (вотчинного и публично-правового) при условии доминирующего положения одного из них (вотчинного).

Оригинальной представлялась концепция Щапова, который оценивал позицию Чичерина с социально-антропологических подходов. Щапов критиковал историко-юридическую школу российской государственности за однобокий подход к оценке российской истории и нежеланию использовать социально-экономические и антропологические подходы при рассмотрении исторического процесса.

Востребованность многих оценочных суждений и методологических приёмов анализа государственной концепции Б.Н. Чичерина, предложенных Милюковым, Коркуновым, Ключевским, Соловьёвым, Кавелиным, Павловым-Сильванским современным поколением историков свидетельствует об объективности и научной ценности трудов дореволюционных представителей академической науки России.

Библиография:

1. Беляев И.Д. Обзор исторического развития сельской общины в России // Русская Беседа. 1856. № 1 С. 101 – 147.
2. Беляев И.Д. Ещё о сельской общине (ответ г. Чичерину Русский Вестник № 12) // Русская Беседа. 1856. № 2. С. 114 – 142.
3. Беляев И.Д. Спор о сельской общине С. Соловьева // Русская Беседа. 1856. №4. С. 115 – 123.
4. Бестужев – Рюмин К.Н. Историческое и политическое доктринёрство в его практическом положении // Отечественные записки. СПб., Ноябрь
5. 1861. Т. СXXXIX. С. 1-10.
6. Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. Т.1. Спб., 1872.
7. Кавелин К.Д. Областные учреждения России в XVII веке // Отечественные записки. 1865. № 12. С. 428 – 477.
8. Кареев Н.И. Нечто об историческом методе г. Чичерина // Критическое обозрение. № 22. С. 23 – 26.
9. Коркунов Н.М. История философии права: пособие к лекциям. СПб., 1898.
10. Ключевский В.О. Состав представительства на земских соборах древней Руси (Посвящается Б.Н. Чичерину) // Русская мысль. Книга 1. 1890, С. 141– 178.
11. Коялович М.И. Областные учреждения России в XVII веке. (перепечатано по четвертому изданию автора, изданному в 1901 году). Минск, 1997. 687 С.
12. Крылов Н. Юридические заметки профессора Крылова // Молва. Литературная газета. 1857. № 2. С. 25 – 28.
13. Крылов Н. Юридический ответ редакции Русского Вестника, на статью помещённую в первой книжке № 7 1857 г. за апрель под заглавием «Изобличительные письма» // Молва. Литературная газета. 1857. № 3. С.37.
14. Крылов Н. Критические замечания на сочинение г. Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке // Русская Беседа. 1857. № 2. С. 89 – 166.
15. Крылов Н. Областные учреждения в России в XVII в. Сочинение Б.Н. Чичерина (окончание) // Русская беседа. 1856. ч. IV. С. 54 – 114.
16. Кр ... евъ И. Областные учреждения в России в XVII в. Сочинение Б.Н. Чичерина // Русская беседа. 1856. ч. III. С. 46 – 87;
17. Кр ... евъ И. Областные учреждения в России в XVII в. Сочинение Б.Н. Чичерина (окончание) // Русская беседа. 1856. ч. IV. С. 54 – 114.
18. Милоков П.Н. Юридическая школа в русской историографии. (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич). // Русская мысль. 1886. № 6. С. 80 – 92.
19. Михайловский И.В. Воззрения Б.Н. Чичерина на право и государство // Образование. 1907. № 7. отд. 2. С. 24 – 38. С. 24.
20. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. 506 С.
21. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988.
22. Соловьев С.М. Спор о сельской общине // Русский вестник. 1856. Т.6. С. 285 – 303. 693 С.
23. Соловьев С.М. . Несколько дополнительных слов к статье «Спор о сельской общине» // Русский вестник. Т.6. С. 192 – 196.
24. Щапов А.П. Естествознание и народная экономия // Сочинения. Т. II. 1906. С. 154 – 181.

References (transliteration):

1. Belyaev I.D. Obzor istoricheskogo razvitiya sel'skoy obshchiny v Rossii // Russkaya Beseda. 1856. № 1 S. 101 – 147.
2. Belyaev I.D. Eshche o sel'skoy obshchine (otvet g. Chicherinu Russkiy Vestnik № 12) // Russkaya Beseda. 1856. № 2. S. 114 – 142.
3. Belyaev I.D. Spor o sel'skoy obshchine S. Solov'eva // Russkaya Beseda. 1856. №4. S. 115 – 123.
4. Bestuzhev – Ryumin K.N. Istoricheskoe i politicheskoe doktrinerstvo v ego prakticheskom polozhenii // Otechestvennye zapiski. SPb., Noyabr'
5. 1861. T. CXXXIX. S. 1-10.
6. Bestuzhev-Ryumin K. N. Russkaya istoriya. T.1. Spb., 1872.
7. Kavelin K.D. Oblastnye uchrezhdeniya Rossii v XVII veke // Otechestvennye zapiski. 1865. № 12. S. 428 – 477.
8. Kareev N.I. Nечто ob istoricheskom metode g. Chicherina // Kriticheskoe obozrenie. № 22. S. 23 – 26.

9. Korkunov N.M. Istoriya filosofii prava: posobie k lektsiyam. SPb., 1898.
10. Klyuchevskiy V.O. Sostav predstavitel'stva na zemskikh soborakh drevney Rusi (Posvyashchaetsya B.N. Chicherinu) // Russkaya mysl'. Kniga 1. 1890, S. 141–178.
11. Koyalovich M.I. Oblastnye uchrezhdeniya Rossii v XVII veke. (perepechatano po chetvertomu izdaniya avtora, izdanomu v 1901 godu). Minsk, 1997. 687 S.
12. Krylov N. Yuridicheskie zametki professora Krylova // Molva. Literaturnaya gazeta. 1857. № 2. S. 25 – 28.
13. Krylov N. Yuridicheskiy otvet redaktsii Russkogo Vestnika, na stat'yu pomeshchennuyu v pervoy knizhke № 7 1857 g. za aprel' pod zaglaviem «Izoblichitel'nye pis'ma» // Molva. Literaturnaya gazeta. 1857. № 3. S.37.
14. Krylov N. Kriticheskie zamechaniya na sochinenie g. Chicherina «Oblastnye uchrezhdeniya Rossii v XVII veke // Russkaya Beseda. 1857. № 2. S. 89 – 166.
15. Krylov N. Oblastnye uchrezhdeniya v Rossii v XVII v. Sochinenie B.N. Chicherina (okonchanie) // Russkaya beseda. 1856. ch. IV. S. 54 – 114.
16. Kr ... ev' I. Oblastnye uchrezhdeniya v Rossii v XVII v. Sochinenie B.N. Chicherina // Russkaya beseda. 1856. ch. III. S. 46 – 87;
17. Kr ... ev' I. Oblastnye uchrezhdeniya v Rossii v XVII v. Sochinenie B.N. Chicherina (okonchanie) // Russkaya beseda. 1856. ch. IV. S. 54 – 114.
18. Milyukov P.N. Yuridicheskaya shkola v russkoy istoriografii. (Solov'ev, Kavelin, Chicherin, Sergeevich). // Russkaya mysl'. 1886. № 6. S. 80 – 92.
19. Mikhaylovskiy I.V. Vozzreniya B.N. Chicherina na pravo i gosudarstvo // Obrazovanie. 1907. № 7. otd. 2. S. 24 – 38. S. 24.
20. Pavlov-Sil'vanskiy N.P. Feodalizm v udel'noy Rusi. SPB., 1910. 506 S.
21. Pavlov-Sil'vanskiy N.P. Feodalizm v Rossii. M., 1988.
22. Solov'ev S.M. Spor o sel'skoy obshchine // Russkiy vestnik. 1856. T.6. S. 285 – 303. 693 S.
23. Solov'ev S.M. . Neskol'ko dopolnitel'nykh slov k stat'e «Spor o sel'skoy obshchine» // Russkiy vestnik. T.6. S. 192 – 196.
24. Shchapov A.P. Estestvoznaniye i narodnaya ekonomiya // Sochineniya. T. II. 1906. S. 154 – 181.